

КРИВОНОЖЕНКО Александр Фёдорович / KRIVONOZHENKO Aleksandr
Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук / Institute of Language, Literature and History, Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences
Россия, Петрозаводск / Russia, Petrozavodsk
krivfed@yandex.ru

АЛКОГОЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА В КАРЕЛЬСКОЙ ДЕРЕВНЕ НАКАНУНЕ И ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ*

ALCOHOL PROBLEM IN KARELIAN VILLAGE BEFORE AND DURING WORLD WAR I

Abstract: The article is focused on the role of alcohol in the everyday life of Karelian peasants in the early XX century. The author found out that drinking was not the norm in Karelian village. Drinking alcohol was associated with very important events in the life of a peasant. It was noted that the peasants positively accepted the ban on alcohol sale during the World War I. The prohibition improved the economic situation of the Karelian peasants. It helped to reduce crime in the peasant society. Moreover, it improved relationships within village families. At the same time, card-playing for money became popular in Karelian village. Local intelligentsia regarded this as a substitute for alcohol. The Zemstvo believed it was possible to defeat the new evil by educating the peasants.

Ключевые слова / Keywords: Карелия, Олонецкая губерния, Кемский уезд, Первая мировая война, пьянство, сухой закон / Karelia, Olonets province, Kemsky district, World War I, alcohol abuse, prohibition

Практика употребления алкоголя в России имеет многовековую историю. За это время сложились устойчивые традиции и нормы поведения, связанные с алкогольными напитками. Их вариации в значительной степени зависят от локальных культурных традиций, а также места конкретной социальной группы или отдельного индивида в структуре социальной иерархии. В любом случае, алкоголь являлся (и является) важным фактором социально-экономического состояния всех слоёв российского общества: от нобилитета до маргинальных групп. Государство, понимая важность и многогранность алкогольной проблемы, а также осознавая её экономическую составляющую, стремилось к осуществлению контроля в этой области. Однако на разных исторических этапах степень такого контроля варьировалась: за столетие с 1890-х по 1990-е он менялся от государственной монополии в сфере производства и реализации алкоголя до широкой либерализации, граничащей с почти полным отсутствием какого-либо контроля.

* Статья подготовлена в рамках выполнения плановой темы «Карелия в условиях мира и войны (от Средневековья до наших дней)». Номер госрегистрации: АААА-А18-118030190093-9.

На протяжении XX в. власти в России дважды инициировали серьёзные ограничения в сфере потребления алкоголя: в период Первой мировой войны и в разгар Перестройки. На фоне совершенно разных социально-экономических и политических условий эти попытки были призваны придать обществу дополнительные стимулы для внутренней мобилизации перед решением грандиозных задач. Однако, как показала практика, попытки введения сухого закона оказали обратное влияние на развитие ситуации, став в той или иной степени факторами, приведшими к итоговому структурному кризису и Российской империю, и Советский Союз.

Цель данной статьи заключается в изучении практики введения государством ограничений на потребление алкоголя в период Первой мировой войны на примере Карелии. Будут проанализированы причины этой инициативы, этапы её реализации и итоги, а также выявлены региональные особенности. Следует уточнить географические рамки исследования: в статье главное внимание будет уделено введению ограничительных мер в сфере потребления алкоголя в четырёх уездах Олонецкой губернии (Петрозаводском, Повенецком, Олонецком и Пудожском), а также Кемском уезде Архангельской губернии.

В научной литературе подчёркивается, что сложившаяся норма потребления алкоголя населением края была связана с праздничными днями, когда спиртные напитки являлись частью обрядовой культуры¹. Распитие алкоголя вне этих хронологических рамок осуждалось деревенским обществом. На наш взгляд, корни такой нетерпимости связаны прежде всего с механизмами саморегулирования внутри традиционного аграрного общества. С точки зрения общины, пьянство отдельного крестьянина грозило расстройством его хозяйства и разорением семьи. В силу того, что община была объединена социально-экономическими взаимосвязями, девиантное поведение одного из её членов содержало в себе потенциальные риски для благополучия всего общества. Характерным примером может служить система круговой поруки при уплате налогов, когда община обязана была компенсировать казне недоимки по сборам, которые не в состоянии были выплатить неимущие крестьяне². Примеры такой зависимости встречаются в источниках. В декабре 1913 г. крестьяне Сенногубской волости Петрозаводского уезда составили приговор о полной ликвидации «навсегда» торговли всем спиртным в пределах их земель. В качестве обоснования в документе указывался вред, который причинялся

¹ *Винокурова И. Ю.* Традиционные праздники вепсов Прионежья (конец XIX — начало XX в.). Петрозаводск, 1996. С. 48.

² *Кожевникова Ю. Н.* Кижское сельское общество на рубеже XIX–XX вв.: к вопросу о налогообложении крестьян (по документам из Карельского собрания ИРЛИ РАН (Пушкинский дом)) // Кижский вестник. Петрозаводск, 2015. Вып. 15. С. 159. URL: <http://kizhi.karelia.ru/library/kizhskij-vestnik-vyipusk-15/1649.html> (21.12.2018).

крестьянам общества от работы пивной лавки. Лавка работала чуть больше года, но негативные последствия от неё были очевидны. В приговоре отмечалось: «...в Сенногубской волости наблюдается пьянство, причем наблюдается много случаев, что многие пропивают свои последние гроши, что отражается на платеже податей. Молодежь приучается к пьянству и часто устраивает скандалы, что в прежнее время наблюдалось несравненно реже»³.

Сложившаяся парадигма употребления алкоголя подтверждается источниками. Во второй половине XIX в. авторы этнографических очерков указывают на трезвость как норму среди населения края. В северной Карелии крестьяне лишь изредка употребляли водку и ром. Пиво практически не варилось в связи с низкими урожаями ячменя⁴. В научной литературе отмечается общее снижение объёмов приготовления этого напитка в Карелии к началу XX в.⁵ В печати рассматриваемого периода есть указания на то, что угасание интереса к пиву на севере было связано не только с отсутствием излишка ячменя. В частности, публицист, издатель и деятель монархического движения С. Ф. Шарапов отмечал, что в условиях винной монополии казна стремилась получить наибольший доход от продажи крепкого алкоголя, притесняя при этом производство популярного на севере пива⁶.

В Горском обществе Кондопожской волости Петрозаводского уезда, население которого составляли русские, также отмечалась умеренность в употреблении алкоголя. П. Певин, подготовивший обширный историко-этнографический очерк этой местности Олонецкой губернии, заметил, что крестьяне Горского общества не тратят на выпивку большое количество денег и времени. Кроме того, подтверждается обрядовый характер употребления алкоголя: на праздниках или на мирских сходах. Причём на сходах выпивка была своеобразным средством крестьянской дипломатии. Отказывавшийся от исполнения обязанностей по общественным должностям крестьянин предлагал участникам схода «вино». Такое угощение являлось непременным атрибутом, который проситель предлагал крестьянам для принятия положительного решения миром по своему вопросу⁷.

В Лижемском обществе, также входившем в Кондопожскую волость Петрозаводского уезда, источник отмечает роль спиртного в важнейших событиях крестьянской жизни: «Впрочем, без выпивки у крестьянина не обходится никакое

³ Национальный архив Республики Карелия (далее — НАРК). Ф. 1. (Канцелярия олонцкого губернатора). Оп. 3. Д. 16 / 712. Л. 67.

⁴ Чубинский П. Статистико-этнографический очерк Корелы // Труды Архангельского статистического комитета за 1865 год. Архангельск, 1866. Кн. 2. С. 103.

⁵ Винокурова И. Ю. Традиционные праздники вепсов Прионежья... С. 48.

⁶ Шарапов С. Ф. Монополия и трезвость // Мирные речи. По-русски. Старое и новое: Три сб. 1900 года. 2-е изд. М., 1901. С. 212.

⁷ Певин П. Очерк Горского прихода, Петрозаводского уезда, Олонецкой губернии // Олонецкие губернские ведомости. 1894. № 50. С. 5.

семейное и общественное дело: кроме свадеб, пьется вино при *закладке* (основании) дома, — пьется *половое*, когда настилаются полы (*мост*); — пьется *коневое*, когда поднимут последнее бревно, — пьется на новоселье, на крестинах, похоронах и т. д. Без водки не обходятся никакие крестьянские условия, подряды, никакие сельские сходы и приговоры: мена, купля, продажа непременно сопровождаются “*литками*”⁸.

Таким образом, алкоголь играл важную роль в жизни населения края, поскольку являлся атрибутом экстраординарных событий: религиозных праздников (которые коррелировались с сельскохозяйственным календарём), важнейших этапов жизненного пути, в том числе связанных с изменением социального статуса, а также сопровождали принятие решений на низовом уровне самоуправления — мирских сходах. В остальных случаях практика употребления алкоголя подлежала жёсткому социальному контролю.

По мнению М. В. Пулькина, сложившаяся традиционная парадигма употребления крестьянами алкоголя начала меняться в последней трети XIX в., после вызванной Великими реформами трансформации общества. Активизация процессов внутренней миграции привела к тому, что через крестьян, уезжавших в город, началась трансляция городского уклада жизни в деревню⁹. Современники также связывали рост пьянства в олонецкой деревне с увеличением числа крестьян, которые отправлялись на отхожие промыслы в города, «откуда большинство из них возвращается нравственно испорченными»¹⁰. Одним из следствий этого процесса стало изменение значения алкоголя в деревне: из напитка, сопровождавшего исключительные моменты в жизни крестьянства, «вино» превращалось в причину повального пьянства.

Изменения в норме потребления алкоголя сельским населением Карелии на рубеже XIX–XX вв. фиксируются источниками. П. Певин указывает, что пьянством были «заражены» многие местности Петрозаводского уезда вокруг Горского общества. В Кемском уезде также фиксировалось увеличение интереса населения к спиртному в начале XX в. Эта тенденция была характерна как для волостей с карельским населением¹¹, так и в местностях на берегу Белого моря, населённых русскими¹². Несмотря на явную тенденцию к увеличению потребления алкоголя, население Карелии, тем не менее, потребляло его в среднем меньше, чем в других регионах страны. По итогам подсчётов за 1903–1912 гг.,

⁸ Плотников А. Лижемский приход Петрозаводского уезда // Олонецкие губернские ведомости. 1901. № 132. С. 2.

⁹ Пулькин М. В. Алкоголь и традиционная культура в XVIII — начале XX в. (по материалам Олонецкой губернии) // Традиционная культура. 2012. № 2 (46). С. 118.

¹⁰ Обзор Олонецкой губернии за 1912 год. Петрозаводск., 1913. С. 29.

¹¹ Бубновский М. П. Контур Архангельской Карелии // Известия общества изучения Архангельской губернии. 1914. № 14. С. 435.

¹² Там же. № 13. С. 410.

Олонецкая губерния вошла в число губерний, уровень потребления «вина» в которых был ниже, чем средний показатель по Европейской России¹³.

Таким образом, анализируя алкогольную проблему в России на рубеже XIX–XX вв., современные историки сходятся в оценке влияния водки и других спиртосодержащих напитков на деревню. В частности, отмечается, что в деревне среднее количество «вина» на душу населения было в разы меньше, чем в городах. Кроме того, запойный алкоголизм для села был не характерен. Специфика пьянства в деревне определялась её периодическим характером и была связана с важными событиями крестьянского календаря. Особенность алкогольного вопроса в карельской деревне, как отмечает И. Р. Такала, заключался в низком уровне (в сравнении со средним показателем по стране) потребления спиртосодержащих напитков. Мы разделяем аргументацию историка, связывающего этот феномен с бедностью населения, отсутствием традиции винокурения и логистических возможностей доставки алкоголя в отдалённые уезды Олонецкой губернии и Архангельской Карелии, а также сильными позициями старообрядчества в целом ряде волостей¹⁴.

К началу XX в., несмотря на увеличение роли алкоголя в карельской деревне, ситуация с пьянством в исследуемом регионе пока ещё была далека от критической. Этого нельзя было сказать о других местностях Российской империи. Алкоголизация населения страны тревожила и правительство, и широкие круги общественности — от демократических до крайне правых. Очевидные негативные социально-экономические последствия пьянства ставили под сомнение дальнейшие темпы развития государства. В связи с этим на рубеже веков началась дискуссия о мерах по контролю и снижению уровня потребления алкоголя. Правительство выступало за контроль над производством и реализацией алкоголя. Финансовая выгода для бюджета от осуществления подобной реформы также играла не последнюю роль. Общественность считала более действенным не контроль над алкогольным рынком, а осуществление безотлагательных мер по снижению алкогольной зависимости населения России. Винная монополия, введённая в 1894 г., рассматривалась представителями трезвенного движения в лучшем случае в качестве косвенной меры по борьбе с пьянством. Общая оценка государственной монополии со стороны заинтересованной общественности была негативной. Министерству финансов, выступавшему главным лоббистом монополии, указывали на негативные социальные явления, к которым приводили «казёнки» в деревне и городе¹⁵.

¹³ Коровин А. М. Самоубийства и потребление водки в Европейской России с 1903-го по 1912-ый год. М., 1916. С. 30.

¹⁴ Такала И. Р. Веселие Руси: история алкогольной проблемы в России. СПб., 2002. С. 230.

¹⁵ Николаев А. В. Антиалкогольная кампания в России 1894–1914 годов: исторический опыт решения проблемы // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 35 (136). С. 67.

В Карелии в начале XX в. борьба с пьянством стала одной из главных общественных задач. В крае активно создавались общества трезвости. Определённую роль в этом играла и церковь. Приходские священники, непосредственно наблюдавшие повседневную жизнь крестьянства, с большой тревогой отмечали на страницах периодической печати разлагающую роль пьянства в деревне¹⁶. В связи с этим, в Карелии наряду со светскими начали активно появляться приходские братства трезвости. Следует отметить, что зачастую инициатива организации таких братств исходила «сверху» в результате распоряжений местного архиерея¹⁷. В свою очередь, последние получали многие документы распорядительного характера относительно организации мер по борьбе с пьянством из Синода¹⁸. В то же время главный запрос на использование ресурсов духовенства в борьбе с пьянством исходил от земства. Деятели местного самоуправления через губернатора наладили тесные взаимоотношения с епископом Олонецким и Петрозаводским Никанором для объединения усилий по борьбе с пьянством в регионе. Результатом этой работы стало создание в течение зимы–весны 1913–1914 гг. в приходах Олонецкой губернии 21 общества, 1 братства и 2 кружков трезвости. Согласно разработанной земством и духовенством программе, до конца 1914 г. трезвенные кружки и общества должны были возникнуть при каждом приходе губернии. Для координации работы создавался «Епархиальный комитет для борьбы с пьянством»¹⁹. Таким образом, природа возникновения многих приходских братств имела административный характер. По оценке М. В. Пулькина, аналогичная кампания в конце XIX в. не приняла в Олонецкой губернии массового характера²⁰. Видимо, с этим связана резолюция епископа Никанора под разработанной программой 1914 г.: «Дай Бог, чтобы не на бумаге только и не для показа и отписок, а на деле велась борьба с пьянством и сродными ему пороками»²¹.

Общий вектор дискуссии вокруг алкогольной проблемы постепенно приводил общество к пониманию необходимости применения более жёстких мер по борьбе с пьянством. К тому же мнению стали склоняться Николай II и большая часть

¹⁶ Енохов П. Общество трезвости в с. Ладве Петрозаводского уезда // Олонецкие епархиальные ведомости 1909. № 2. С. 48.

¹⁷ Матвеев Н. Рапорт председателя Горского во имя св. Николая Чудотворца Братства трезвости при церкви Горского прихода Петрозаводского уезда священника Николая Матвеева // Олонецкие епархиальные ведомости. 1914. № 15. С. 328

¹⁸ Быкова А. Г. Общества трезвости в истории трезвенного движения в России в XIX — начале XX вв. // Омский научный вестник. 2005. № 4 (33). С. 24.

¹⁹ Результаты земского ходатайства // Вестник Олонецкого губернского земства (далее — ВОГЗ). 1914. № 12. С. 27. URL: <http://elibrary.karelia.ru/book.shtml?levelID=028&id=11971&cType=1> (21.12.2018).

²⁰ Пулькин М. В. Алкоголь и традиционная культура... С. 119.

²¹ Результаты земского ходатайства. С. 27.

высшего руководства страны. К началу 1910-х гг. против разработки таких законопроектов выступало лишь Министерство финансов, отстаивавшее экономическую выгоду, которую давала для бюджета государственная винная монополия²². По мнению В. Б. Аксенова, решение императора начать более активную антиалкогольную кампанию было связано с придворными интригами. На Николая II оказали влияние круги, близкие к Г. Распутину и находившиеся в конфликте с министром финансов В. Н. Коковцевым. Последний был представлен в глазах императора как главный апологет «винного» бюджета, приводившего к расцветанию пьянства в народе²³.

Новый министр финансов П. А. Барк весной 1914 г. стал осуществлять крайне осторожные меры, направленные на ограничение винной монополии. Основным мероприятием, осуществлённым в этой области Министерством до войны, следует назвать циркуляр местным управляющим акцизными сборами. В нём, в частности, предлагалось оказывать поддержку инициативе «снизу» по ограничению продажи алкоголя в конкретной местности²⁴. Население откликнулось на инициативу, но интенсивность «приговорной» кампании была неравномерной в разных частях страны. В Олонецкой и Архангельской губерниях она не отличалась особой активностью²⁵.

Приговоры сельских обществ о закрытии торговли алкоголем в конкретной местности не являлись принципиально новым механизмом для социального регулирования в карельской деревне. Они практиковались до упомянутой выше волны «приговорной» кампании начала 1914 г. За несколько лет до того крестьяне поморского села Сорока высказались за закрытие винной лавки, которая уже работала с ограничениями. Это был крупный населённый пункт, в котором находились четыре лесопильных завода и многочисленные промысловые артели. Сформировавшаяся здесь своеобразная социальная среда под влиянием спиртного негативно влияла на общественное спокойствие. Ответной защитной реакцией местного крестьянства стало составление соответствующего приговора. В день закрытия в Сороке «казёнки» запастись спиртным посчитал необходимым даже местный полицейский чин²⁶. В селе Ладва Петрозаводского уезда местные крестьяне в середине 1900-х гг. высказались за запрет продажи алкоголя из местной

²² Мак-Ки А. Сухой закон в годы Первой мировой войны: причины, концепция и последствия введения сухого закона в России: 1914–1917 гг. // Россия и первая мировая война: (Материалы международного научного colloquium) / Под ред. Н. Н. Смирнова. СПб., 1999. С. 150

²³ Аксенов В. Б. «Сухой закон» 1914 года: от придворной интриги до революции // Российская история. 2011. № 4. С. 128.

²⁴ Циркуляр управляющего Министерством финансов // Трезвая жизнь. 1914. № 4. С. 479.

²⁵ Петрицев А. Хроника внутренней жизни // Русское богатство. 1914. № 5. С. 280.

²⁶ Бубновский М. П. Контур Архангельской Карелии. № 13. С. 410.

«казёнки» по праздникам. Видимо, запрет был временным, поскольку пролонгации этого приговора не последовало и лавка возобновила прежний режим работы²⁷.

Таким образом, важно обратить внимание на принципиальную деталь: порой приговоры не запрещали продажу алкоголя полностью, а лишь вводили определённые ограничения. На наш взгляд, степень ограничения доступности алкоголя, устанавливаемая в мирских приговорах, напрямую была связана с остротой проблемы пьянства в той или иной местности. Гибкость системы крестьянского самоуправления оставляла возможность вариативного воздействия на негативные общественные явления, связанные с пьянством.

Упомянутая низкая активность «приговорной» кампании в Олонецкой и Архангельской губерниях в начале 1914 г. свидетельствует о том, что проблема пьянства в карельской деревне (речь идёт именно о деревне, поскольку уровень потребления алкоголя в немногочисленных городах исследуемого региона был на порядок выше) не принимала масштабных размеров. Об этом говорят свидетельства очевидцев крестьянского быта, а также статистика. Олонецкие крестьяне выпивали накануне Первой мировой войны в среднем 0,9 л водки на душу населения, что было в 2,5 раза ниже аналогичного показателя в целом по стране²⁸. Тем не менее алкоголь являлся частью обрядовой крестьянской культуры. Так что полностью отказаться от него крестьянам было трудно.

Накануне Первой мировой войны существовал общественный запрос на создание действенных механизмов, которые ограничивали бы употребление алкоголя. Руководство страны, несмотря на очевидные бюджетные потери, придерживалось того же мнения, что находило положительный отклик и поддержку со стороны трезвенного движения²⁹. Всё это даёт основание утверждать, что и государство, и общество были готовы к введению последующих преобразований в алкогольном вопросе. Исследователь государственной антиалкогольной политики О. А. Чагадаева высоко оценивает взвешенные и осмотрительные меры, которые предпринимало правительство до начала войны в области борьбы с пьянством. По мнению историка, в условиях мирного развития

²⁷ Енохов П. Общество трезвости в с. Ладве Петрозаводского уезда... С. 48.

²⁸ Такала И. Р. Веселие Руси. С. 229.

²⁹ Воронов Д. Н. Жизнь деревни в дни трезвости: (По данным земских и других анкет): Доклады, прочитанные в марте 1916 г. в заседаниях Комиссии по вопросу об алкоголизме при Русском обществе охранения народного здоровья. Пг., 1916. С. 1. URL: <http://elibrshpl.ru/ru/nodes/17840-voronov-d-n-zhizn-derevni-v-dni-trezvosti-po-dannym-zemskih-i-drugih-anket-doklady-prochitannye-v-marte-1916-g-v-zasedaniyah-komissii-po-voprosu-ob-alkogolizme-pri-russkom-obschestve-ohraneniya-narodnogo-zdraviya-pg-1916> (21.12.2018).

последовательные меры в указанной сфере страны могли привести к положительным результатам³⁰.

Важную роль в государственной политике ограничения потребления алкоголя накануне войны играло руководство армии. Очевидность грядущего крупномасштабного военного конфликта заставила командование заранее продумать все возможные причины, которые могли бы повлиять на сроки мобилизации запасных. Главным из них могло стать пьянство. Дело в том, что традиционно проводы в армию являлись одним из пограничных событий крестьянской жизни, для которых было характерно обрядовое пьянство. Исходя из опыта Русско-японской войны 1904–1905 гг., особое внимание командование армии уделяло мерам по соблюдению трезвости среди мобилизованных. Действенность этих мер апробировалась на местах во время проверок запасных. Так, в январе 1914 г. петрозаводский уездный воинский начальник обратился к губернатору М. И. Зубовскому с просьбой о временном закрытии пивных и винных лавок в селениях, которые были определены центрами сборов³¹. Аналогичные меры предпринимались в населённых пунктах, расположенных на пути следования команд новобранцев³².

Начавшаяся в июле 1914 г. мобилизация в армию сопровождалась обнародованием запрета на продажу алкоголя на весь срок этой кампании. Олонецкий губернатор получил от начальника штаба войск приказ обеспечить быструю мобилизацию, для чего необходимо было строго следить за соблюдением запрета на продажу алкоголя и пресекать любые случаи тайной торговли такими напитками. Все выявленные случаи незаконного оборота алкоголя местным властям было предложено расценивать как причинение целенаправленного вреда армии в условиях военного времени³³.

В историографии отмечается высокий уровень организации проведённой мобилизации как в Олонецкой губернии, так и в Кемском уезде Архангельской губернии³⁴. Действительно, по сравнению с «винными» бунтами мобилизованных (абсолютное большинство отправляемых в армию составляли крестьяне) в сибирских и уральских губерниях, которые громили закрытые «казёнки» в поисках водки³⁵, в Карелии призывная компания прошла спокойно. Тем не менее полной организованности, о которой с воодушевлением рапортовали чиновники, добиться

³⁰ Чагадаева О. Конец винополии: Государственная инициатива по борьбе с пьянством накануне Первой мировой войны // Родина. 2011. № 8. С. 143.

³¹ НАРК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 16 / 712. Л. 21.

³² Там же Л. 118.

³³ Там же. Оп. 1. Д. 120 / 45. Л. 2.

³⁴ Дубровская Е. Ю., Кораблев Н. А. Карелия в годы Первой мировой войны: 1914–1918. СПб., 2017. С. 54.; История Карелии с древнейших времен до наших дней / Науч. ред. Н. А. Кораблев, В. Г. Макуров, Ю. А. Савватеев, М. И. Шумилов. Петрозаводск, 2001. С. 315.

³⁵ Аксенов В. Б. «Сухой закон» 1914 года. С. 131.

не удалось. В Олонце мобилизованные выразили желание получить водку из казённой лавки, однако все дальнейшие действия в этом направлении были пресечены местным уездным исправником. В то же время были отмечены случаи незаконной продажи алкоголя из городского ренковского погреба К. А. Чертова³⁶. Другой зафиксированный случай пьянства мобилизованных запасных произошёл на борту парохода по пути в Лодейное поле. В ходе последовавшего разбирательства все свидетели указывали на то, что запасные были пьяными и вели себя неподобающим образом³⁷. Перед отправкой запасных из Петрозаводска, которая состоялась 1–5 сентября 1914 г., офицеры заранее согласовали с местными властями запрет на продажу алкоголя в городе на это время. Кроме того, по просьбе губернатора М. И. Зубовского, участковый надзиратель 1-го участка Новгородско-Олонецкого акцизного управления распорядился запретить продавать не только водку, но и вина на борту пароходов, на которых отбывали мобилизованные³⁸.

Ограничения на реализацию алкоголя (постановлением М. И. Зубовского продажа вин не была запрещена) были введены лишь на период основной волны мобилизации. О постоянном «сухом законе» речь не шла. Тем не менее даже временные меры в такой чувствительной сфере общественной жизни вызвали панический ажиотажный спрос на алкоголь. В рапортах уездных исправников и докладных записок врачей отмечался резкий всплеск интереса населения Карелии к виноградным винам в августе 1914 г. на фоне ограничений по продаже водки. В частности, в сообщениях из Олонецкого уезда сообщалось, что «за минувший месяц совершенного закрытия питейных заведений население не отвыкло от их потребления»³⁹. Разрешение продажи вина привело к тому, что и мещане, и крестьяне стали скупать низкокачественные вина ящиками. Олонецкий уездный исправник Ф. И. Озеров рапортовал губернатору, что начавшееся массовое употребление виноградных вин вызвало повальное пьянство, не наблюдавшееся ранее: «...пьяные не в состоянии двигаться и валяются на улицах, в канавах, полицейские не в состоянии их вести, а должны носить»⁴⁰. Особой популярностью у населения пользовались креплёные вина. Бутылка портвейна «Сова» стоила 40 копеек. От употребления всего одной бутылки такого напитка человек терял сознание⁴¹. Для сравнения, на эти деньги в конце августа 1914 г. в Олонце можно было купить 4,5 кг ржаной обдирной муки⁴².

Нездоровый ажиотаж, который демонстрировало население Олонецкой губернии в отношении креплёного вина в августе 1914 г., беспокоил местные власти

³⁶ НАРК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 120 / 45. Л. 3.

³⁷ Там же Л. 35.

³⁸ Там же. Л. 66.

³⁹ Там же. Л. 11 об.

⁴⁰ Там же Л. 8.

⁴¹ Там же Л. 60.

⁴² Местные хлебные цены // ВОГЗ. 1914. № 16. С. [130]. URL: <http://elibrary.karelia.ru/book.shtml?levelID=028&id=11930&cType=1> (21.12.2018).

по нескольким причинам. Патриотический подъём второй половины июля, когда России была объявлена война, мог раствориться на фоне ухудшающегося морального облика общества. Кроме того, предстояли первые выплаты предусмотренных законом пособий семьям ушедших на войну мужчин. Существовали опасения, что население понесёт полученные деньги в ренсковые погреба и это отразится на уровне его благосостояния. Губернатор М. И. Зубовский обратился в МВД с просьбой экстренно запретить продажу в губернии крепких вин, поскольку «началось жестокое пьянство, причём крестьяне напиваются до потери сознания дешёвыми сильно наспиртованными сортами портвейна, хереса, мадьерь»⁴³. 4 сентября 1914 г. было опубликовано обязательное постановление губернатора, запрещающее торговлю винами крепче 16 градусов под угрозой штрафа в размере 3000 рублей или ареста до 3 месяцев⁴⁴. Важно отметить, что речь идёт о городском поселении, т. к. на селе торговля виноградными винами любой крепости уже была запрещена⁴⁵.

Обращает на себя внимание обилие регулировавших алкогольный рынок законодательных актов, которые выходили во второй половине лета — осенью 1914 г. из канцелярий как центральных, так и губернских органов власти. Очевидно, что общество не было готово к введению таких радикальных ограничительных мер. Государство пыталось в ручном режиме реагировать на конкретные проблемы, возникавшие в этой области, постоянно лавируя между запросами разных социальных групп: претензиями высшего общества на доступность алкоголя, петициями земцев и активистов трезвенного движения, требованиями армии, жалобами терявших товар торговцев и акционеров пивных заводов. В результате, такого явления, как «сухой закон», в Российской империи в период Первой мировой войны не появилось, поскольку в стране сохранялась легальная возможность приобрести алкоголь.

Поиск оптимальной формы контроля над спиртным как в стране, так и на уровне Олонецкой губернии, продолжался на протяжении всей второй половины 1914 г. и начала 1915 г. 23 августа 1914 г. Николай II объявил о продлении запрета на продажу алкоголя до конца войны, однако в скором времени последовали распоряжения, которые перекаладывали на местные органы самоуправления регулирование степени жёсткости запрета в конкретной местности⁴⁶. Руководствуясь этим документом, городские думы и уездные земские собрания выработали ходатайства, в которых определили степень ограничения реализации алкоголя в рамках того или иного уезда и города. Общая информация, по поданным ходатайствам представлена в таблице 1.

⁴³ НАРК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 120 / 45. Л. 55.

⁴⁴ Там же Л. 94.

⁴⁵ Там же Л. 130.

⁴⁶ *Такала II. Р. Веселие Руси. С. 168.*

Таблица 1⁴⁷

Сведения об ограничении продажи алкоголя на территории Карелии в период
Первой мировой войны

Уезд	Дата ходатайства	Решение	Алкоголь, доступный для легального приобретения
Повенецкий уезд и г. Повенец	1 ноября 1914 г.	В Повенце и Повенецком уезде повсеместный запрет на продажу всех видов алкоголя, кроме лёгких вин, до конца войны	Лёгкие вина в Повенце
Петрозаводский уезд и г. Петрозаводск	4 ноября 1914 г.	В Петрозаводске и Петрозаводском уезде запрет на продажу водки, пива, всех водочных настоек, коньяков, рома и крепких виноградных вин до конца войны	Лёгкие вина в Петрозаводске до 5 февраля 1915 г.
Пудожский уезд и г. Пудож	17 ноября 1914 г.	В Пудоже и Пудожском уезде повсеместный запрет на продажу всех видов алкоголя до окончания войны	Нет
Олонецкий уезд и Олонец	9 ноября 1914 г.	В г. Олонце и Олонецком уезде повсеместно запрещена продажа всего алкоголя до окончания войны	Нет
Кемский уезд Архангельской губернии	—	По результатам крестьянских приговоров о запрещении продажи алкоголя	Нет сведений

Из данных таблицы следует, что на территории изучаемого региона законодательно были установлены строгие ограничения продажи алкоголя. В карельской деревне приобрести его легально было невозможно.

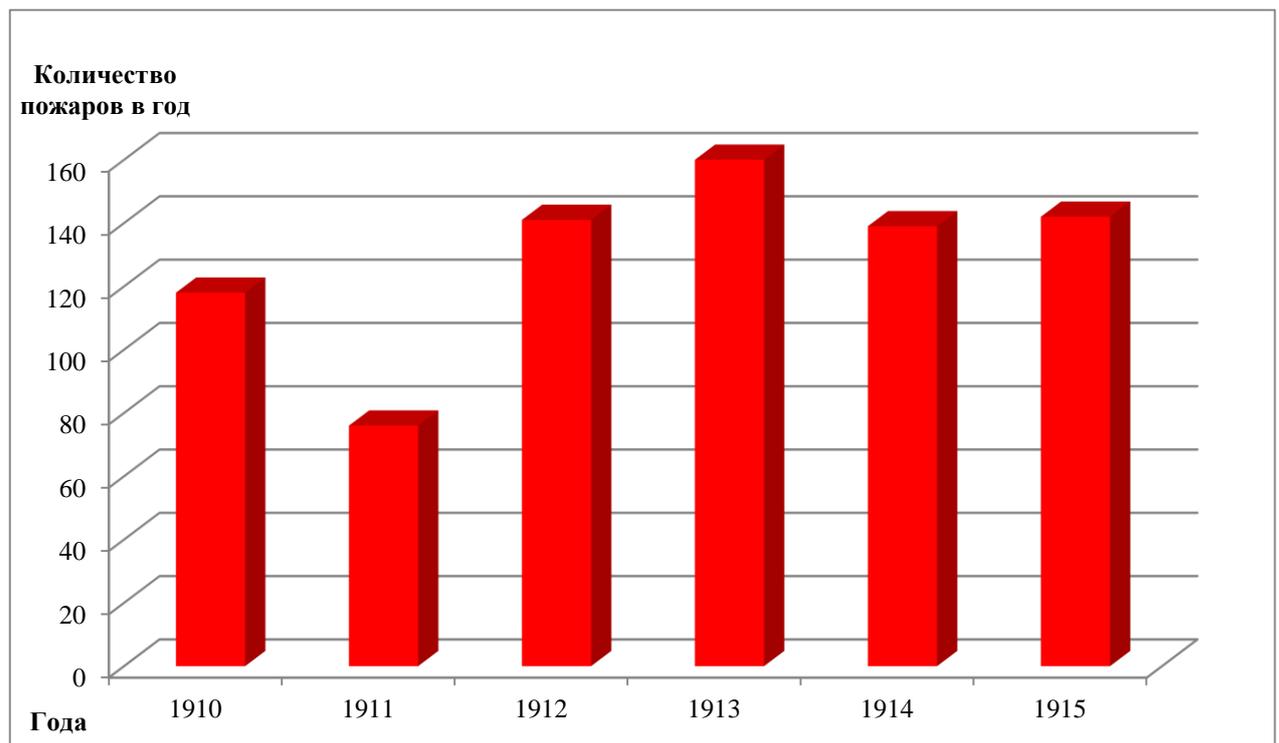
⁴⁷ НАРК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 120 / 50. Л. 57.; Карелия в годы Первой мировой войны: сборник документов и материалов / Редкол.: Е. Ю. Матвеева, Е. С. Намятова, М. Е. Неёлова. Петрозаводск, 2014. С. 355–356.

Введённые ограничения по реализации алкоголя оказали положительное влияние на ряд аспектов общественно-экономической жизни карельских крестьян. В Олонецкой губернии было отмечено двукратное снижение числа преступлений, значительная часть которых совершалась в состоянии опьянения. Если в августе 1913 г. в Олонецкой губернии у судебных следователей было зафиксировано 96 дел, то в августе 1914 г. их число сократилось до 49⁴⁸. Заметим при этом, что снижение преступности могло быть вызвано не только запретом продажи алкоголя, но и снижением числа лиц, которые могли его употребить и совершить преступление: в результате мобилизации в армию были призваны мужчины молодого и среднего возраста.

Со снижением пьянства в научной литературе связывается резкое снижение количества пожаров в населённых пунктах⁴⁹. Однако анализ подсчёта случаев пожаров, которые произошли на описываемой территории в 1914 и 1915 гг. (подсчёт за 1916 и 1917 гг. осложнён неполнотой данных), говорит о том, что взаимосвязь между запретом алкоголя и количеством пожаров в регионе неочевидна.

Диаграмма 1⁵⁰

Количество пожаров на территории современной Карелии в 1910–1915 гг.

⁴⁸ Что даёт трезвая жизнь // ВОГЗ. 1914. № 23. С. 12. URL: <http://elibrary.karelia.ru/book.shtml?levelID=028&id=11230&cType=1> (21.12.2018); Введенский И. Н. Опыт принудительной трезвости. М., 1915. С. 12.

⁴⁹ Блохина Н. Н. К истории создания «сухого закона» в Российской империи в 1914 г. // Вопросы наркологии. 2015. № 4. С. 58.; Что даёт трезвая жизнь. С. 12–13.

⁵⁰ Составлено по: обзорам Олонецкой губернии за 1910–1914 гг.; обзорам Архангельской губернии за 1910–1915 гг.; материалам ВОГЗ за 1915–1917 гг.

Источники отмечают ряд других положительных тенденций в социально-экономической жизни карельских крестьян после введения запрета на алкоголь. Увеличились местные (не связанные с отходом) заработки, уменьшилось количество обращений за ссудами в местные кредитные товарищества⁵¹. Значительно улучшился моральный климат в деревне. Нормой становились трезвые свадьбы, беседы, народные праздники, которые не заканчивались драками и бранью. Трезвость стала залогом улучшения семейных взаимоотношений в крестьянских семьях, поскольку прекратились «отвратительные семейные сцены, вызываемые пьяными, буйными отцами семейств»⁵².

Однако было бы ошибкой идеализировать сложившуюся после запрещения продажи алкоголя морально-психологическую и экономическую ситуацию в деревне. В условиях постоянно дорожавших продуктов питания и других вызовов военного времени даже удачно вложенные сэкономленные на алкоголе средства не могли существенно повлиять на рост благосостояния крестьянства в долгосрочной перспективе. Кроме того, в деревнях оставались завсегда и «казёнок», которые были уверены, что после завершения войны водка снова вернётся в деревню. Пока же они использовали различные средства для подавления алкогольного влечения. Усиленно курился крепкий табак, употреблялась сильно наперченная пища, «только бы «покрепче жгало»»⁵³. При этом необходимо заметить, что источники свидетельствуют об отсутствии в карельской деревне массовых случаев употребления спиртосодержащих жидкостей: денатурированного спирта, лака, политуры и т. д.⁵⁴.

Спиртное не могло бесследно исчезнуть из жизни деревни. Донесения полицейских чинов периодически фиксировали факты употребления водки. Имели место и нетипичные ситуации. В одной из деревень летом 1915 г. был зафиксирован факт пьянства. В ходе проведённого дознания выяснилось, что один из крестьян угощал водкой товарищей по случаю призыва в армию. Однако водка была куплена им вполне легально ещё весной 1914 г. в казённой лавке и держалась в запасе больше года именно к этому случаю⁵⁵.

⁵¹ *Кашурин П. С.* Влияние войны и трезвости на народное хозяйство и жизнь: (Из Остречинской вол., Петрозаводского у.) // ВОГЗ. 1914. № 23. С. 13. URL: <http://elibrary.karelia.ru/book.shtml?levelID=028&id=11230&cType=1> (21.12.2018).

⁵² *Коренной П.* Война и деревня: Сообщение из Заонежья // ВОГЗ. 1915. № 2. С. 6. URL: <http://elibrary.karelia.ru/book.shtml?levelID=028&id=11431&cType=1> (21.12.2018); *Кузарианин.* Отрезвлённая Кузарианда // ВОГЗ. 1915. № 4. С. 12. URL: <http://elibrary.karelia.ru/book.shtml?levelID=028&id=11270&cType=1> (21.12.2018).

⁵³ *П-ий А. В.* По поводу отмены продажи спиртных напитков // ВОГЗ. 1915. № 4. С. 13. URL: <http://elibrary.karelia.ru/book.shtml?levelID=028&id=11270&cType=1> (21.12.2018).

⁵⁴ Там же; *Коренной П.* Война и деревня. С. 6.

⁵⁵ НАРК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 121 / 7. Л. 3.

Достать алкоголь в карельской деревне было непросто, однако попадая в уездные города, заинтересованные лица могли купить спиртосодержащие жидкости. Частой была практика «угощения» незаконным алкоголем. В Повенце был составлен протокол на мещанина Ивана Ильича Попова, который «...пьяный без сознания лежал у лестницы чайной общества трезвости». При проведении дознания выяснилось, что денатуратом его угостил неизвестный мужчина⁵⁶.

В Пудоже главным поставщиком алкоголя на подпольный рынок был местный купец Н. Копейкин, который до войны владел ренковым погребом в этом городе. На незаконную торговлю алкоголем жаловались местные жители. Крестьянин из Толвуйской волости Петрозаводского уезда С. М. Бутяев, проживавший в то время в Пудоже, писал в июле 1915 г. о сложившейся ситуации губернатору М. И. Зубовскому. Крестьянин патетически замечал, что торговля спиртным в городе не прекращается, несмотря на запрет «его императорского величества и желание всего русского народа». Разбирательство привело к составлению очередного протокола. При этом Н. Копейкин удрученно заявил: «Вот сделаешь людям добро, а сам страдай»⁵⁷.

Постройка Мурманской железной дороги также в известной степени отразилась на положении дел в рассматриваемой сфере. И в источниках, и в литературе отмечается, что население Карелии было незнакомо с традициями самогонварения⁵⁸. Этот факт можно объяснить экономическими причинами: у местных жителей не было в избытке зерна, картофеля, сахара — то есть основных необходимых ингредиентов. С началом строительства мурманской магистрали в край приехали тысячи рабочих из центральных губерний России. Некоторые из них занимались сооружением не только железной дороги, но и самогонных аппаратов, «угощая» затем, в том числе, и местных крестьян, приехавших на заработки⁵⁹.

Существовали возможности купить спиртное вполне легально, если у желающего были «проблемы» со здоровьем. Дело в том, что медицинская наука того времени допускала употребление алкогольных напитков по медицинским показаниям. В связи с этим губернатор регулярно выдавал разрешения на отпуск аптекам крепких виноградных вин и даже пива⁶⁰. Ситуацией пользовались и желающие выпить, и желающие заработать. Среди последних был уже

⁵⁶ Там же. Оп. 2. Д. 10 / 105. Л. 7.

⁵⁷ Там же. Оп. 1. Д. 121 / 7. Л. 188.

⁵⁸ Дубровская Е. Ю., Кораблев Н. А. Карелия в годы Первой мировой войны. С. 57.

⁵⁹ НАРК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 18 / 745. Л. 35 – 36.

⁶⁰ Там же. Оп. 1. Д. 122 / 8. Л. 8, 48.

упомянутый пудожский купец Н. Копейкин, хотя поставлять такие оригинальные лекарства для «больных» он не имел права⁶¹.

Населению не запрещалось готовить пиво, а также брагу дома для собственного употребления⁶². Возможности самостоятельно готовить алкогольные напитки способствовала свободная продажа дрожжей⁶³. Приготовленный особым образом «квас», достигавший крепости 7,5 %, пользовался большой популярностью у крестьян, приезжавших в город по хозяйственным делам⁶⁴.

Доступность дрожжей создавала условия для изготовления пива в деревнях. Согласно рапорту олонецкого уездного исправника, в Видлицкой волости в приготовлении и продаже пива участвовал уроженец Финляндии. Интерес выходца из Великого княжества к спиртному в Карелии неслучаен. В XIX — начале XX в. алкоголь составлял значительную часть в структуре контрабандных товаров, которые перевозили крестьяне через финляндскую границу. Жители северокарельских деревень покупали спирт в Сороке и привозили его в Финляндию, прикрыв сверху селёдкой⁶⁵. В то же время наблюдался и обратный процесс: из финляндских деревень в Беломорскую Карелию отправлялся картофельный самогон⁶⁶. О налаженной алкогольной контрабанде между финскими и карельскими крестьянами говорят и другие факты. На месте пересечения границы дорогой, ведущей от Белого моря в Куусамо (в районе Паанаярви), лежало большое количество битого стекла от водочных бутылок⁶⁷. С введением запрета на продажу алкоголя в России в 1914 г. поток контрабандной водки в Финляндию снизился. Видимо, незаконные поставки спиртного оттуда в Карелию также были маловероятны. Несмотря на то, что официально введение «сухого закона» в Финляндии не было утверждено Николаем II, в автономии с начала Первой мировой войны действовал запрет на продажу спиртных напитков в городах. Поскольку почти весь оборот алкоголя был сосредоточен в них, то можно констатировать, что в Финляндии *de facto* также действовал запрет на продажу алкоголя с 1914 г.⁶⁸

Запрет на продажу алкоголя вызвал в карельской деревне другое негативное социальное явление — увлечение азартными карточными играми. Современники

⁶¹ Там же. Д. 121 / 7. Л. 186.

⁶² Такала II. Р. Веселие Руси. С. 168.

⁶³ *Yot*. Растущее пьянство в Петрозаводске // Олонецкая неделя. 1915. № 32. С. 10.

⁶⁴ НАРК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 10 / 105. Л. 1 – 3.

⁶⁵ Бубновский М. II. Контур Архангельской Карелии // Известия общества изучения Архангельской губернии. 1914. № 14. С. 435.

⁶⁶ Майнов II. Поездка в Обонежье и Корелу. СПб., 1877. С. 280.

⁶⁷ Сент-Илер К. К. Как мы прошли с Белого моря в Финляндию: (Отклики войны на Севере). Юрьев, 1915. С. 31.

⁶⁸ Johnson W. The Liquor Problem in Russia. Ohio, 1915. P. 93.

считали, что по тому урону, который приносят карты в социально-экономическую жизнь крестьянства, азартные игры вполне можно было сопоставить с довоенным пьянством⁶⁹. Притоны открывались почти повсеместно. Это были обычные крестьянские дома, хозяева которых получали вознаграждение с каждого выигрыша. Земская интеллигенция края однозначно оценивала причины новой девиации, стремительно набравшей оборот в деревне. В частности, отмечалось, что крестьяне стали получать хорошие деньги на заработках, а также с продажи продукции сельского хозяйства закупочным конторам на постройке железной дороги. Другая важная причина заключалась в том, что оторванным от пьянства людям не предлагалось должной альтернативы. Крестьянин шёл играть от скуки. Естественно, необходимо чётко понимать, что подвержен этому негативному явлению был далеко не каждый житель деревни, как не каждый был пьяницей. У главы крепкого крестьянского хозяйства просто могло не иметься времени на карты.

На страницах земских изданий предлагались разные способы решения проблемы зависимости деревни от нового социального недуга. Некоторые из них были связаны с принудительными мерами, но большинство авторов высказывалось за необходимость просвещать деревню через сеть народных домов, читален⁷⁰.

Таким образом, анализ целого ряда источников позволяет сказать, что до последней четверти XIX в. потребление алкоголя крестьянами Карелии представлялось элементом обрядовой сферы и не являлось повседневной практикой. Трезвость как норма была связана с внутренними факторами сдерживания крестьянской общины, стремившейся к социальному благополучию, а также с целым рядом внешних факторов: географическим положением, отсутствием путей сообщения, низкой плотностью населения, сильными позициями старообрядчества. Кроме того, анализ этнографических очерков позволяет сделать вывод, что в волостях, населённых карелами, позиции трезвости были несколько сильнее, чем среди русских Карелии.

К концу XIX в. структура потребления алкоголя постепенно стала меняться. Под влиянием городских традиций спиртное начало занимать более видное место в повседневности карельской деревни. Осознавая сильную деструктивную роль пьянства в социально-экономической жизни общины, крестьяне стремились к нивелированию этой угрозы. Используя механизмы самоуправления, общества составляли приговоры и запрещали или ограничивали продажу алкоголя на своих землях. Это движение совпало с усилиями по популяризации трезвости со стороны общественности, а накануне Первой мировой войны — и государства.

⁶⁹ Кубаков П. Азартные игры как новое нарастающее бедствие // Олонеккое утро. 1915. № 6. С. 4.

⁷⁰ Федорович А. Борьба с карточной игрой // ВОГЗ. 1915. № 20. С. 9. URL: <http://elibrary.karelia.ru/book.shtml?levelID=025&id=12817&cType=1> (21.12.2018); Андронов А. Борьба с азартом // ВОГЗ. 1916. № 2. С. 6. URL: <http://elibrary.karelia.ru/book.shtml?levelID=025&id=13640&cType=1> (21.12.2018).

Карельская деревня в целом одобрила запрет на продажу алкоголя. Эта кампания принесла некоторые положительные явления: улучшился микроклимат в семьях, снизилось число преступлений, в деревне стало оставаться больше денег. Однако следует крайне осторожно оценивать масштабы положительного влияния запрета алкоголя в 1914 г. на социально-экономическую жизнь крестьян Карелии. Имевшиеся на руках средства в условиях военного времени постепенно обесценивались инфляцией. Вложить их в развитие хозяйства также стало труднее: промышленность страны в экстремальных условиях оказалась не в состоянии обеспечить село современными сельскохозяйственными орудиями. В деревне пьянство было побеждено, но в уездных городах Олонецкой губернии оставались возможности найти спиртосодержащие продукты химической промышленности, купить на чёрном рынке крепкое пиво и т. д. Приток рабочих из других губерний на строительство железной дороги познакомил местных жителей с ранее малоизвестным в карельской деревне самогонварением. Наконец, на смену алкоголю в Карелии, как и в других регионах страны, пришли азартные игры, таившие в себе не меньше опасности, чем «зелёный змей».

Важно подчеркнуть, что крестьянский мир в Карелии до Первой мировой войны принципиально не отвергал алкогольные напитки полностью, принимая радикальные меры лишь при необходимости. Крестьянство было затронуто общенациональным патриотическим подъёмом во второй половине лета 1914 г. и разделяло уверенность в быстротечности войны и скорой победе. В таких условиях трезвая жизнь воспринималась как своеобразная жертва, своего рода духовный обет, данный обществом ради успешной борьбы армии с неприятелем. Однако затягивание войны со временем привело к нарастанию общей психологической усталости населения. А запрет на доступ к алкоголю внёс свою лепту в усугубление этого состояния, что затем стало одной из причин Гражданской войны.

Список литературы

Аксенов, В. Б. «Сухой закон» 1914 года: от придворной интриги до революции / В. Б. Аксенов // Российская история. — 2011. — № 4. — С. 126–139.

Блохина, Н. Н. К истории создания «сухого закона» в Российской империи в 1914 г. / Н. Н. Блохина // Вопросы наркологии. — 2015. — № 4. — С. 52–62.

Быкова А. Г. Общества трезвости в истории трезвенного движения в России в XIX — начале XX вв. / А. Г. Быкова // Омский научный вестник. — 2005. — № 4 (33). — С. 22–26.

Винокурова, И. Ю. Традиционные праздники вепсов Прионежья (конец XIX—начало XX в.) / И. Ю. Винокурова. — Петрозаводск : Издательство ПетрГУ. — 1996. — 139 с.

Дубровская, Е. Ю. Карелия в годы Первой мировой войны: 1914 – 1918 / Е. Ю. Дубровская, Н. А. Кораблев. — Санкт-Петербург : Нестор–История, 2017. — 432 с.

История Карелии с древнейших времен до наших дней / науч. ред. Н. А. Кораблев, В. Г. Макуров, Ю. А. Савватеев, М. И. Шумилов. — Петрозаводск : Периодика, 2001. — 943 с.

Карелия в годы Первой мировой войны : сборник документов и материалов / редкол.: Е. Ю. Матвеева, Е. С. Намятова, М. Е. Неёлова. — Петрозаводск : Verso, 2014. — 493 с.

Кожевникова, Ю. Н. Кижское сельское общество на рубеже XIX — XX вв. : к вопросу о налогообложении крестьян (по документам из Карельского собрания ИРЛИ РАН (Пушкинский дом)) / Ю. Н. Кожевникова // Кижский вестник. — Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2015. — Вып. 5. — С. 152–161. — URL: <http://kizhi.karelia.ru/library/kizhskij-vestnik-vyipusk-15/1649.html>. — (21.12.2018).

Мак-Ки, А. Сухой закон в годы Первой мировой войны : причины, концепция и последствия введения сухого закона в России : 1914–1917 гг. / А. Мак-Ки // Россия и первая мировая война : (материалы международного научного colloquium) / под ред. Н. Н. Смирнова. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 1999. — С. 147–159.

Николаев, А. В. Антиалкогольная кампания в России 1894–1914 годов: исторический опыт решения проблемы / А. В. Николаев // Вестник Челябинского государственного университета. — 2008. — № 35 (136). — С. 60–72.

Пулькин, М. В. Алкоголь и традиционная культура в XVIII — начале XX в. (по материалам Олонецкой губернии) / М. В. Пулькин // Традиционная культура. — 2012. — № 2 (46). — С. 112–121.

Такала, И. Р. Веселие Руси: история алкогольной проблемы в России / И. Р. Такала. — Санкт-Петербург : Журнал «Нева», 2002. — 335 с.

Чагадаева, О. Конец винополии : государственная инициатива по борьбе с пьянством накануне Первой мировой войны / О. Чагадаева // Родина. — 2011. — № 8. — С. 141–143.